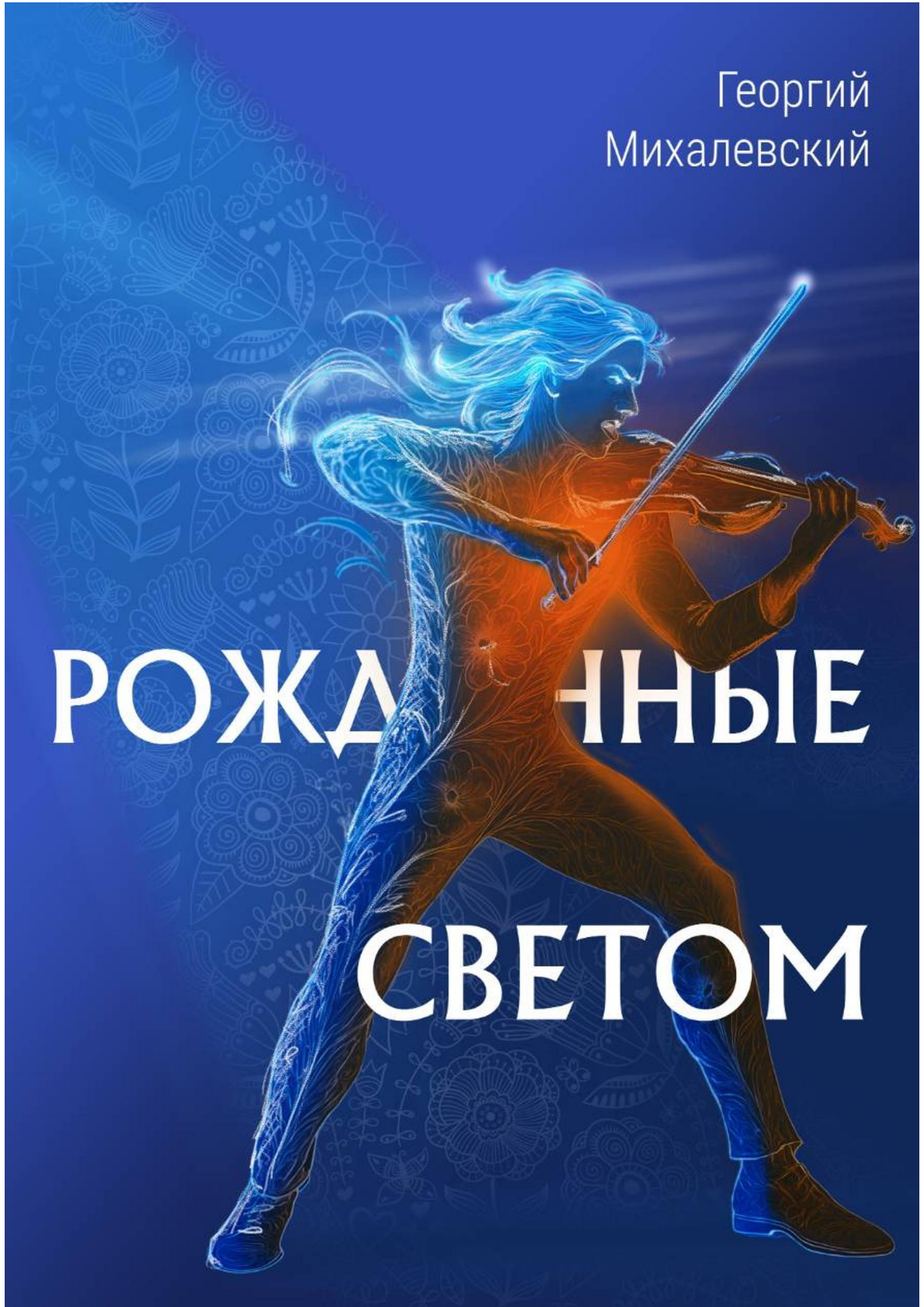

Георгий
Михалевский

РОЖДАЮЩИЕСЯ СВЕТОМ

Георгий Михалевский

Рожденные Светом

«Автор»

2026

Михалевский Г.

Рожденные Светом / Г. Михалевский — «Автор», 2026

Каково это помнить свои прошлые жизни, но не помнить самого важного?
Главный герой собирает по кусочкам себя и свою память, чтобы узнать
наконец-то, кто он на самом деле, и вспомнить свою миссию.

© Михалевский Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

***	5
1.	6
2.	10
3.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Рожденные Светом

- Эта миссия будет очень сложной. Даже Я не знаю, справишься ли ты.*
- Если Ты посылаешь меня, значит, справлюсь. Ты же будешь рядом?*
- Конечно, в твоём сердце, как всегда.*
- Каковы основные сложности миссии?*
- Сейчас параллельно существует пять вариантов событий, именно ты выберешь тот один, который и станет судьбой. Все в твоих руках, воин.*

1.

Взбегаю по ступенькам, игнорируя лифт. Сверху льется живая музыка Шопена. Ноктюрн, ах, какой великолепный ми-бемоль мажор, выбиваемый тонкими пальчиками милой мадемуазель Лиззи. Ноты звучат шагами маленьких фей, бегущих вместе со мной по лестнице. Улыбаюсь, поднимаясь выше и слушая, как нарастает музыка горной чистотой. Звуки фортепьяно разливаются по деревянным стенам, стекают ручейками на пол. Пронизанные лучами солнца и музыкой Шопена полупрозрачные двери разъезжаются в стороны, обрушив на меня потоки музыкального сияния. Мадемуазель Лиззи оглядывается, продолжая играть, улыбка светится на губах, капли звука падают с клавиш, хрустальным звоном оседая на ветках миниатюрных сосен.

Последний аккорд затихает точно в момент, когда останавливаюсь перед фортепьяно.

– Добрый день, мадемуазель Лиззи.

Она вскакивает и шутливо приседает в старинном реверансе:

– Мастер Жан! Вы опоздали!

Смотрю в ее серые глаза, такие же прозрачные как музыка Шопена, затем киваю в сторону антикварных часов:

– Я пришел на пять минут раньше!

Она лукаво смеется и показывает мне запястье с вживленным экранчиком, но на нем так же без пяти минут два.

Развожу руками:

– Я не опоздал.

– Ах, проказница, — раздается хриловатый голос мсье Форрена, отца Лиззи. — Добрый день, мсье Жан, она сегодня всех мучает этой фразой, что мы опоздали. Поди разбери, что она хочет этим сказать, — он пожимает мою руку, — надеюсь, ваша тренировка пройдет успешно.

Лиззи смеется и прекрасным сопрано поет:

– Вы все опоздали, ах да-да, опоздали! Нет вам прощенья, мсье!

Зачарованно слушаю это чистейшее академическое исполнение знаменитой арии. Мадемуазель Лиззи восхитительна. Ей бы на сцену, а не сидеть в виртуальном офисе.

Мсье Форрен несколько секунд улыбаясь смотрит на дочь, потом говорит:

– Дорогая, сегодня вечером не забудь подготовиться, мы едем на концерт.

– Какой концерт?

– Ну вот, ты забыла! Мы идем на концерт маэстро Сяо Чина, он виртуозно играет на скрипке и...

– Скрипка?! — мы с Лиззи хором произносим это слово так, будто оно означает самую ужасную казнь на свете. Тут же переглядываемся, она фыркает от смеха, а я удивленно выдаю:

– Мадемуазель Лиззи, вы тоже не любите скрипку?

Мсье Форрен непонимающе смотрит на меня, затем на дочь:

– У вас какой-то заговор?

– Ну что ты, па! Просто скрипка — это ужасно. Ржавые двери в деревенском сарае и то лучше звучат!

На его лице шок. Он удивленно смотрит то на меня, то на дочь, потом говорит:

– Лиззи, но ты же всегда...

– Ах, па! Ну а что мне было делать, когда ты и ма водили меня на эти концерты, или приглашали скрипачей к нам. Не могла же я испортить вам вечер. Но сейчас вы можете спокойно идти без меня, не так ли? Нет ничего интересного в скрипке!

Мсье Форрен недоуменно пожимает плечами.

– Не может быть. Скрипка — королева оркестра, без нее нет музыки! Вот, послушайте! Жаннет, будь мила, мой любимый концерт...

– Я вас поняла, — откликается домашняя нейронка.

На одной из стен засветился экран с огромным симфоническим оркестром, и дом наполнился могучим звучанием сотни скрипок. Я не разбираюсь в музыке, и понятия не имею, как называется то произведение, что сейчас слышу, да и слышу я его впервые.

Мадмуазель Лиззи поджимает губки, а я тихо говорю:

– Вторая скрипка в третьем ряду фальшивит.

– Что?! — мсье Форрен багровеет, — как вы можете такое говорить? Это одно из лучших исполнений! Жаннет, подтверди.

Нейронка отвечает:

– Подтверждаю, вторая скрипка в третьем ряду фальшивит, но это действительно лучшее исполнение Космической Сонаты Рубана на сегодняшний день.

Мсье Форрен нетерпеливо взмахивает рукой. Музыка замирает, он смотрит на меня:

– Мастер Жан, откуда вы знали, что скрипка фальшивит?

– Ммм... услышал.

– Когда?

– Вот сейчас, когда вы поставили нам эту музыку.

– Вы хотите сказать, что смогли уловить в звучании трехсот скрипок одну?!

Молча киваю. Мне никто не верит, что я различаю на слух каждый инструмент, каким бы огромным не был оркестр. Хотя не всех инструментов названия-то знаю, и понятия не имею что там с нотами, какая из них «до», какая «ля», но, если кто-то фальшивит, будьте уверены, я это услышу.

– И вы хотите сказать, что кроме фальши одной скрипки вы не заметили ни красоты, ни звучания?

– Ну почему же... когда скрипки в оркестре, то они прекрасно воспринимаются, но соло... несносно.

– Несносно? Несносно?! Скрипка — это легенда! — не унимается мсье Форрен. — Вы же слышали о великом д'Антони?

Имя легендарного скрипача откликается царапиной где-то на уровне подсознания. д'Антони знают буквально все, но при звуке его имени, во мне просыпаются странные необъяснимые эмоции.

Лиззи восклицает:

– Папа, он жил триста лет назад! Никто не слышал, как он играл на самом деле, ведь тогда не было звукозаписи! Все только и говорят о нем, но... он наверняка так же мучил уши слушателей визгами струн.

Еле сдерживаюсь, чтоб не прыснуть, пробормотав:

– Мучил уши...

Мсье Форрен раздосадовано отвечает:

– У него, конечно, был скверный характер, но д'Антони — гений, и это точно известно!

– Не был у него скверный характер, — вырывается у меня.

– То есть как? Все историки и биографы того времени...

– Извините, мсье Форрен. Я не могу объяснить, почему меня это задевает, но попросил бы вас так не говорить об д'Антони в моем присутствии.

– Ого, неожиданно. Вы полны сюрпризов, Мастер Жан. И готовы защищать честь давно умершего человека? Похвально. И соглашусь с вами, что обсуждать чужой характер нехорошо. К тому же д'Антони был слаб здоровьем, его мучили боли в суставах и сердце. А больные люди часто ворчливы. И это многое объясняет. Хорошо, не буду вас больше отвлекать, простите

мою болтливость, я просто фанат д'Антони, знайте, что он был гений на все времена. Идите тренируйтесь, молодежь, — мсье Форрен чуть заметно кивает и покидает нас.

Лиззи, не скрывая смех, убегает в сторону комнаты для тренировок. Иду туда же, и вдруг электронные мозги нейроЖаннет решают со мной заговорить:

— Мастер Жан, а вы пробовали поступить в музыкальное?

— Пробовал.

— И, насколько я могу судить, не поступили.

— Да, экзаменаторы сказали, что у меня нет музыкального слуха.

Пауза от нейросети выглядит забавно. Наконец, Жаннет оживает:

— Это какая-то ошибка, Мастер Жан.

Пожимаю плечами:

— Не стоит об этом говорить, Жаннет.

— Как скажете, — нейросеть замолкает.

Босые ступни прикасаются к полу, неповторимое живое ощущение дерева под ногами. Шаг, живая сила природы понимается от пола, охватывает меня, второй шаг, и древо вселенной раскрывается сиянием звезд. Потоки жизни стекают с него струящимся водопадом. Вихряются на ладонях, наполняя силой и легкостью одновременно. Белое широкое одеяние — ифу — развеивается от движений мягкими волнами. Замедленный танец рук и ног, мир застыл в текущем совершенстве. Лиззи плавно повторяет все формы за мной, и вижу, как энергия светится вокруг нее. Кажущаяся легкость достигается месяцами упорных тренировок, растяжек, нагрузок, зазубриваний движений и контролем дыхания. Лиззи мягко приседает до земли и взмывает вверх, словно танцует под невидимую музыку Вселенной.

Думаю, что ее любимый Ноктюрн сейчас был бы очень кстати. И вдруг, обставленная в старокитайском сдержанном стиле, комната исчезает. Исчезают миниатюрные деревца-пэньцзын, утонченные картины по шелку и квадраты высоких окон. Перед глазами возник затянутый дымкой чарующий вечерний пейзаж южной Франции, томительное, щиплющее душу чувство, неожиданно затопило меня. Не справляюсь с ним. Останавливаюсь посреди выполнения формы, смотря прямо перед собой, в голове только одна мысль: «Ноктюрн на скрипке изумителен».

Что?!

Лиззи тоже останавливается:

— Мастер?

Опускаюсь в позу лотоса на пол:

— Я думаю, меня посетило воспоминание прошлого. Я видел Францию...

Лиззи усаживается рядом:

— Вы же никогда там не были, Мастер.

Отрицательно качаю головой, пастельные краски Прованса, и тающие в дымке вершины Альп все еще стоят перед взором.

— Там изумительное освещение, словно там другое солнце. Просто рай для живописцев.

Мадемуазель Лиззи вглядывается в мое лицо:

— Мастер?

— Простите, мадемуазель...

— Мастер, расскажите! Я же помню, как было интересно, когда вы рассказывали про Древний Рим! А когда вы жили во Франции? Я думала, вы после Рима сразу воплотились в китайца!

От потока ее слов мои видения исчезают.

— Ну... я только на четверть китаец, и как раз не помню своих воплощений здесь. Хотя...

— Хотя?

– Я помню степи, горячих скакунов, горные перевалы, караваны, груженные диковинами...

– Вы грабили караваны?! — озорные глаза так сверкают, что никакие мечи хуннов с ними не сравнятся.

– Наоборот, мадемуазель. Наоборот. Была такая работа: охранник караванов.

– Ооо! Расскажите! Древний Шелковый Путь?

– Великий Шелковый Путь, — поправляю ее машинально и улыбаюсь, так как перед глазами колышутся в жарком мареве пустыни горбы верблюдов. Франция исчезла. Но мысль о ее связи с... упаси боже... скрипкой, осталась. А за окнами в ярких лучах солнца сверкает вполне материальный Чжоучжуан, переливающийся отражениями фонариков в каналах, наполненный тихим шепотом плакучих ив. Романтичный мсье Форрен выбрал милое место для проживания семьи, пока сам ведет бизнес в Китае.

Мадемуазель Лиззи вздыхает:

– Я поняла, Мастер Жан, ни историй, ни тренировок сегодня не будет?

Киваю в ответ. С таким внезапным наплывом прошлых жизней не всегда удастся быстро справиться. Точнее не смог справиться с тоской по Провансу, которую никогда раньше не испытывал.

2.

Нейронка даже не пытается удивиться, когда, телепортировавшись в свою квартиру, говорю:

– Жаннет, Ноктюрн на скрипке, лучшее современное исполнение, какое есть.

– Шопен, исполняет молодой виртуоз с Марса — Николо Ла Витто.

С первых же нот растворяюсь в звуках... Музыка повсюду: в сердце, душе, небе и земле. Скрипка поет, и оркестр на ее фоне чуть-чуть угадывается, словно он всего лишь часть бытия, где живет чистый как хрусталь звук ... скрипки. Но почему так грустно... кого ты потерял, Ла Витто? Или Шопен? Или вы оба?

Легким движением вывожу картинку на стену... вместо привычного мне вида статичного чопорного артиста в черном, стоящего как изваяние и едва водящим смычком, предомной танцует в обнимку со скрипкой длинноволосый музыкант. Волосы развеваются, падают на лицо, на скрипку, блики прыгают по струнам, золотому перстню, смычку... А вселенная молчит, слушая, и звезды перестали мигать от изумления.

Из головы исчезают мысли, и снова возникает пелена Прованса, такой внезапно милой мне Южной Франции. Горы в дымке, цветы. Цветы до горизонта, и жаворонок, что одной нотой дрожит в небесах. Срывающаяся с листьев роса, эхом падающая в траву, круги на воде, плеск рыбы в камышах... кромка солнца, просвечивающая сквозь облака....

Музыка затихает, чуть слышно шепчу:

– Еще раз...

И трек снова играет, оживает жаворонок, и капает роса в траву...

– Еще раз... поставь на повтор... пока не скажу «хватит».

– Как скажете, Мастер.

Скрипка звучит...

– Сообщение для мадемуазель Лиззи, — диктую в наручный чип, — «Если есть возможность, позвоните».

Она отвечает мгновенно:

– Что случилось, Мастер? О боже, что это у вас играет? Что это?!

– Это скрипка, мадемуазель Лиззи. Представляете, скрипка.

– Я слышу... невероятно... ноктюрн на скрипке! Скиньте ссылку.

Включается объёмная связь. Мы словно сидим рядом, смотря на один экран. Молча, не обменявшись ни единым словом, слушаем... Музыка перебирает струны души и затихает...

Мадемуазель Лиззи шепчет:

– Если есть бог музыки, то это Ла Витто. И как только волосы не мешают ему играть?

– И как только волосы не мешают ему? — восхищение в голосе герцогини звучит столь неприкрыто, что герцог недовольно косится на нее.

Слышу сквозь музыку: реплики, восторг, шепотки, зависть и обожание. Каждый вздох, шорохи шелка, скрип сапог, тихое позвякивание шпор, звучание чьей-то шпаги, зацепившейся за ножку стула...

Музыка поглощает, затмевает, проникает в суть вещей, и сама становится сутью... Невольно подумалось, что с таким талантом друзей не приобретешь, а завистников и врагов — более чем. Даже лакеи замерли вдоль стен с подносами в руках. Скрипка поет, плачет, говорит, льет музыку за пределы тосканского замка, прямо на пшеничные поля, острые кипарисы, фигурки крестьян и далекие повозки, запряженные лошадами.

Голос Лиззи возвращает меня в реальность:

– Мастер, мастер, расскажите, вы что-то вспомнили!

Трясу головой:

– Я не понимаю того, что вижу. Но я... я слышал эту фразу, в той, другой жизни.

Рассказываю Лиззи невероятную атмосферу, рожденную музыкой, тосканским солнцем и ароматом испанской осени. Она зачарованно слушает:

– Жан, ты же понимаешь, что у тебя с ним связь, — она кивает на замершего со скрипкой в руках Ла Витто на экране.

– Да с чего бы?

– Жан, — она смотрит с укором, — от его музыки ты начинаешь вспоминать! Кармическая связь, — она почти шепчет, и ее глаза распахиваются огромными таинственными озерами. — Это безумно интересно!

Смеюсь в ответ:

– Мадемуазель Лиззи, мы пока ничего не можем сказать точно... Может быть, это просто воображение.

– А давай вспомним, когда все началось?

– Когда ваш папа упомянул д'Антони.

– Нет, когда ты услышал, как фальшивит скрипка. Жан, ну... а ты всегда слышал так хорошо?

И тут я понимаю, что перестал быть «мастером Жаном», а резко стал просто «Жаном». Молча смотрю в прозрачные глаза Лиззи:

– Да, я всегда так хорошо различал звуки. Всегда.

– И в другой жизни тоже? Может быть, ты был музыкантом?

Хмурюсь:

– Всегда был воином.

– А все-таки? Ну вот маленечко-маленечко вспомни, в самом детстве тоже хотел быть воином и мастером тайцзицюань?

Встаю с пола, на котором сидел, пока играла музыка.

– Мадемуазель Лиззи, не погружайте меня насильно в воспоминания, когда я не хочу этого.

– Простите, Мастер Жан, — чуть слышно шепчет она и отключает связь.

Стою посреди комнаты, обхватив правой рукой левую. Снова эта невыносимая боль в пальцах. Я уже забыл о ней. Как же я мучился в детстве от ломящей боли. Отец обошел всех самых знаменитых врачей Китая — тех, что учились в медицинских академиях, а потом мы обошли всех акупунктурщиков, традиционных лекарей и даже тибетских шаманов. Никто из них ничего не нашел у меня. По всем показателям я был абсолютно здоров. А потом боль просто исчезла, забылась, и вот сейчас она вспыхнула снова, когда Лиззи начала свои нетерпеливые расспросы.

«Всегда хотел быть воином» ... Как бы ни так. Я помню, как трех- или четырехлетним карапузом стоял посреди нашего дворика и, прижав к плечу обломок доски, изображал игру на скрипке. Брат и сестра ухахатывались, смотря на это. А мне было обидно, что они смеются, ведь я слышал музыку, звучащую в душе. Бабушка потом удивленно спрашивала, где я видел скрипача. Я не понимал, что значит слово «скрипач», и ей пришлось объяснять, кто это такой... И тогда она рассказала об д'Антони — великом скрипаче, жившем триста лет назад, он играл так, что современники обвинили его в сговоре с дьяволом. Почему они решили, что с дьяволом? Почему не с Богом?

Перевожу взгляд на застывшего на экране Ла Витто.

– Жаннет, а играл ли Ла Витто сочинения д'Антони?

– О, конечно, все скрипачи их играют.

Морщусь, вспоминая рваные звуки скрипки одного из именитых скрипачей, изображавшего великого музыканта в недавно вышедшем фильме.

– Найди запись, хотелось бы послушать. Только сначала дай отрывок из фильма «д’Антони — вампир со скрипкой».

– Где он играет «Каприз красавицы» в театре?

– Да.

За попытку проверить собственную память пришлось заплатить несколькими секундами рваных аккордов и невыносимых визгов струн. Помнится, критики говорили, что это виртуозное исполнение. Ну что ж, теперь слушаем Ла Витто!

Концерт в Филармоника-Марс. Там его знают, местная молодая звезда.

Аплодисменты, шепотки в партере, Ла Витто шагает по сцене, слегка смущаясь, залившись румянцем. Слышно, как где-то в оркестре смычок задел случайно струны альты, кто-то кашлянул в зале... Дирижёр с обожанием смотрит на Ла Витто, музыканты в первых рядах — с благоговением. Как я люблю эти живые записи с концертов! Невольно улыбаюсь, и погружаюсь в просмотр.

Игривые ноты поскакали со струн скрипки, неожиданно, дерзко, весело. Как жеребята на тосканских лугах. Задрав хвостики и топоча копытцами... А это что? Ветер сдунул с яблонь белый цвет и засыпал луг с жеребятами? И закружила весна, подхватив всех, кто был рядом.

Пальцы Ла Витто скачут по струнам, как те жеребята, смычок порхает мотыльком, музыка льется, бежит, журчит и зовет, в дальнюю даль... Никаких рваных звуков, никаких визгов, просто поток, вихрь самой вселенной, сотканный из нот.

3.

Утро застаёт меня сидящим над страницей Николо Ла Витто. Кажется, я пролайкал всё. И с сожалением ищу что-то, что не отметил или пропустил. И тут, ко мне в личку стучится бот его страницы. «Мы рады, что вы проявляете интерес к творчеству маэстро...» бла-бла-бла, и вдруг: «расскажите о себе». Удивленно смотрю в экран. Вот это поворот. Если все миллионы поклонников будут рассказывать о себе кумирам, кто ж это будет перечитывать?

Смеюсь. Отвечаю:

– Тренер тайцзицюань, мастер у-шу Жан Ли Бен. Один из немногих практикующий боевое цима — верховую езду.

«Ты всегда виртуозно владел шпагой, конем и скрипкой», — отвечает мне бот, и диалог закрывается.

Ошарашенно смотрю в экран. Что? Что это было?

– Вы же виртуозно владеете шпагой, шевалье, не так ли? — герцогиня смотрит чуть насмешливо и в то же время со скрытым любопытством.

Сколько эмоций и чувств она прячет в карих глубинах глаз? Эта женщина — одно сплошное притворство и в то же время — воплощение власти.

Чуть заметно улыбаюсь:

– Вы правы, Ваше Высочество.

Она звонко смеется и машет в мою сторону:

– Дуэли запрещены, задира вы эдакий. Ну кого вы там опять проткнули шпагой?

– Никого, на этот раз...

– Фи, какой вы скучный.

– Осмелюсь спросить, моя госпожа, вы беспокоитесь о ком-то конкретном? Скажите имя, и у него будет оберег от моей шпаги.

– Нет, — она снисходительно улыбается, — но я вам хочу поручить привести кое-кого в целостности и сохранности. Мне этот человек важен. И я уверена, мой лейтенант, что вы не подведете.

Кланяюсь в ответ и вопросительно смотрю на герцогиню, ожидая имя. Она медлит. И по тому, как затягивается пауза, понимаю, что важный для нее человек еще не в курсе своей важности.

– Ему нужно доставить приглашение от вашей светлости?

– Какой вы проницательный, мой лейтенант, и вам было бы дано повышение, если бы не..., — она лукаво улыбается, — ваша несообразительность в вопросах, не касающихся шпаг и лошадей.

Какая замудренная фраза с таким количеством отрицаний, что смысл более чем очевиден. Молча кланяюсь, и распрямившись бесстрастно выдаю:

– Как угодно, Ваше Высочество. Кому вести приглашение? Надеюсь, тот человек разбирается не только в шпагах и лошадях?

– Он вообще не разбирается во всем этом. Поэтому за ним и поедете вы. Я вас позову, когда приглашение будет готово.

Она смеется, складывает веер, и томно выдает:

– Подите прочь уже, мсье, — но ее глаза кричат обратное, и будь на моем месте любой другой офицер, он бы остался получать повышение.

С легким поклоном удаляюсь. Она может сколько угодно строить мне глазки, но меня вечером ждет другая, дорогая мне девушка. И к тому же я не собираюсь попадать под горячую руку императора, брата герцогини.

Не успел я закрыть дверь, как услышал за спиной:

– Мсье лейтенант, вернитесь!

Шагаю назад в покои:

– Да, Ваше Высочество?

– Как успехи у моего дорогого супруга?

– Он во всем преуспевает, но какие именно успехи вас интересуют?

– Его занятия скрипкой. Ведь вы оба посещаете уроки? Я же знаю, он просил вас об этом.

– Да, по просьбе его светлости, сопровождаю герцога каждое утро к маэстро. Его светлость музицирует по паре часов и показывает очень высокий уровень владения скрипкой. Я думаю, он мог бы сыграть вам...

– Сыграйте мне вы. Вы же тоже ходите туда. А я пока напишу приглашение.

На секунду столбенею, она склоняет голову на бок, собираясь отпустить какую-то колкость, но я отвечаю:

– Одну минуту, Ваше Высочество. Мне нужно сходить за скрипкой.

– Никуда вы не пойдете. Вон, возьмите скрипку моего супруга и сыграйте мне.

Ну что ж, по крайней мере, знаю: скрипка герцога прекрасно настроена самим маэстро. И откуда она взялась в покоях герцогини — не мое дело. Покои герцога находятся в другом крыле замка. Ну хорошо, открываю стоящий на столике футляр, прикасаюсь к струнам, и они чуть слышно звенят. Снимаю смычок с крышки, и разворачиваюсь к герцогине, уже приготовившей на столе бумагу, перо и чернила.

Не спрашиваю, чтобы она хотела услышать. Знаю ее вкус, как-никак уже пять лет служу в личной гвардии. Смычок касается струн, душный от духов и свечей воздух плавится в нежных звуках серенады Гайдна.

Герцогиня роняет перо, очаровано смотрит на меня, тихо шепча:

– Мсье лейтенант, вы светитесь, ах, мсье лейтенант...

Оторвет мне голову император... как есть оторвет. Играю дальше, заливая все вокруг потоками нежного света и легкого счастья. Скрипка замолкает с тихим выдохом, комната погружается в звенящую тишину. Слышу, как шуршит, заглядывая в замочную скважину лакей. Как тихо скребется в соседней комнате голубь, как учащенно бьется сердце герцогини. Учтиво кланяюсь:

– Надеюсь, Ваше Высочество, простит мою скверную игру... Ваш супруг играет гораздо лучше меня.

Ее вздох больше похож на всхлип:

– Супруг! Вы в монастыре росли, шевалье?

– Вы абсолютно правы, Ваше Высочество. В бенедиктинском.

Она хмыкает:

– Ну все ясно. Подите прочь, и ждите, когда вам принесут письмо.

С поклоном удаляюсь. На этот раз она не зовет меня назад.

Улыбаюсь своим мыслям и думаю, что надо предупредить Лиззи о моей скорой поездке... Лиззи...

Лиззи?! Ту девушку тоже звали Лиззи? И ... ну конечно... у «той» Лиззи были точно такие же глаза, как....

Полутемный будуар герцогини растворяется словно сон. Обретаю себя, сидящим все так же над планшетом. Перечитываю диалог с ботом. Странно так. Откуда бот знал фразу герцогини о шпаге?

Запись удалится через 12 часов — стандартный регламент у подобных ботов. Моего голосового ответа не видно, только текстовые сообщения нейронки. Я не люблю, когда нейронки общаются со мной голосом. Уж лучше читать их ответы. Силюсь понять, что происходит, шутка от нейросети? Типичный глюк? Или... или я просто не спал всю ночь и глюки у меня.

Иду в душ, нельзя так поступать с собой. Основа любого мастерства — дисциплина и распорядок. К двум часам я должен явиться к мадемуазель Лиззи и ее папе свежий как огурчик.

Мсье Форрен пересекается со мной в холле, здороваемся. Он смеется:

— Вы представляете, Мастер Жан, Лиззи до глубокой ночи слушала скрипку! Чудеса. После вчерашнего разговора я и подумать о таком не мог. Но надо признать, что исполнение было божественное.

— Она слушала Николо Ла Витто.

— Не знаю такого, — удивляется мсье Форрен, — я, можно сказать, живу в мире музыки.

Как же так...

— Он с Марса. И его слава еще не добралась до Земли.

— Ах, вот оно что!

Стук каблучков прерывает наш разговор, мадемуазель Лиззи сбегает по ступенькам:

— Мастер Жан! Вот вы где, а я вас жду, между прочим!

— Это я виноват, Лиззи, — пытается меня защитить мсье Форрен.

— Мадемуазель, — слегка кланяюсь, — прошу, простите за опоздание и за вчерашнее тоже.

— Вот еще, — она вздергивает носик и отворачивается, ну точно котенок, которому не понравилась игрушка.

Мсье Форрен лукаво улыбается и поспешно ретируется, даже не попрощавшись. Заметив его исчезновение за дверями, Лиззи разворачивается ко мне:

— Жан! Ты...

— Да я вчера оборвал разговор. Прости...те, мадемуазель Лиззи.

Она подходит ко мне вплотную:

— Что у тебя с руками?

— Все хорошо.

— Я видела вчера, как ты держал их. Рассказывай.

Секунду смотрю в ее глаза думая, включить наставника или нет. Секунды хватает, чтоб она отступила на шаг, опустив взгляд:

— Мастер Жан... я...

— Все хорошо, мадемуазель. Идемте на тренировку.

Миниатюрные сосны-пэныцзын стоят вдоль стен, ожидая нас. Чуть уловимый хвойный аромат разливается в воздухе, слышно журчание ручейка под одной из сосен, струйка воды бежит по детально проработанному такому правдоподобному пейзажу, что кажется, фигурки ланей сейчас оживут. Лиззи перехватывает мой взгляд и вдруг выдает:

— Я видела, как вы смотрели на него вчера. Вы думаете только о нем, он для вас — всё. Всё!

— Кто?

— Этот ваш Ла Витто!!! Вы влюблены, Мастер!

Фыркаю от смеха, не сдержавшись.

— Смейтесь, смейтесь! Я видела, да-да, видела! Вы даже не дышали...

– Вы тоже, мадемуазель, забыли дышать, пока звучала его скрипка. Не так ли? Да, я потрясен, поражен, можно сказать, оглушен этим гением.

– И у вас с ним таинственная связь! Кармическая! Нейросети говорят, что такое только между влюбленными бывает.

– Не выдумывайте про кармическую связь, это работает не так.

– А как? Вам хорошо, вы помните вон сколько воплощений своих, а люди вообще ничего не помнят. Как так? Я, между прочим, много читала, много знаю, и вообще до встречи с вами не очень-то верила в эту эзотерику. Но пришли вы, и мир изменился, я ощутила, как вокруг все наполнено энергией, и... я ... я поверила вам.

Она замолкает, смотрю на нее, жду продолжения. Она поднимает на меня взгляд:

– Я поверила вам, а вы скрываете от меня что-то.

– Ничего не скрываю, но чрезмерное любопытство до добра не доводит. Учитесь управлять эмоциями, как дыханием. Это путь к познанию себя, к постижению простой Истины, скрытой вокруг нас. Не надо никуда бежать, торопиться, с азартом добиваться чего-то. Все придет в свое время.

Она вздыхает:

– Это скучно...

С улыбкой киваю:

– Совсем не скучно, ибо только так можно ощутить вкус счастья и радость жизни.

– Вы так говорите, будто вы дряхлый старик... или росли в монастыре!

– Да, в бенедиктинском, — непроизвольно отвечаю фразой из прошлой жизни.

– Что?!

– Не берите в голову, мадемуазель Лиззи. Просто дня три или четыре я буду находиться сразу в двух эпохах и могу говорить странные вещи.

Она с жадным любопытством смотрит на меня, словно хочет проникнуть за завесу времени:

– Так, все-таки, как ощущать вкус жизни, не позволяя себе радости? Без дерзких выходов?! Без споров искать истину? Без азарта учиться? Без страсти любить?

– Мадемуазель Лиззи, я ничего подобного не сказал. Любовь и страсть — вещи разные. Спор и истина рядом никогда не стояли, азарт никак не связан с учебой, а дерзкие выходы обычно продиктованы неуважением. Подготовьтесь к тренировке, я жду вас.

Она резко разворачивается и уходит в раздевалку.

Опускаюсь на деревянный пол, развернув кисти рук, сияние драгоценности в чаше лотоса. Красота всего мира в капле росы, закрываю глаза, делаю вдох, а на выдохе уже ощущаю, как вечный поток золотого света идет через меня и наполняет комнату. Чуть слышный запах приходит вместе со светом, нотки ванили и белых тюльпанов, и что-то еще такое, от чего хочется раствориться в аромате вечности.

Мадемуазель Лиззи тихо входит и замирает. Слышу, как она принюхивается, потом поднимает одну руку к лицу, другую, нюхает их поочередно, и вдруг выдает:

– Как вкусно пахнет свежим хлебом, шоколадом, цветами... Что это, откуда?

Бежит к окну, открывает его, высовывается на улицу, но тут же возвращается назад:

– Мастер?

– Сядьте в позу лотоса. Не суетитесь.

Она опускается на пол, смотрит на меня широко распахнутыми глазами:

– Это от вас... это духи?

– Без суеты. Очистите разум, как я учил. Дышите. И ощутите, как свет наполняет вас... Свет, из которого мы рождены, наполняющий нас и освещающий путь тем, кто рядом.

Она закрывает глаза и погружается в медитацию. Потоки золотого света плывут туманом по комнате, смешиваясь с ароматом неземных цветов. И если прислушаться, то можно заме-

тять, как воздух дрожит от хрустального звона, рождающего само пространство. Лиззи сидит минут пять, открывает глаза и вздыхает:

– Правда, счастье... И тишина.

Складывает ладони лодочкой и засовывает нос между ними:

– Невероятно, как вкусно пахнет! Мастер, что это?

– Цветы рая так пахнут. Изначальные люди источали такой аромат, пока не погрязли в злых делах. И сейчас, когда человек очищает свой разум от суеты и вслушивается в тишину, он может вернуть себе этот запах.

Она, не отрываясь, смотрит на меня, тихо говорит:

– А почему раньше от вас так не пахло?

– Я не святой, мне тоже надо войти в состояние абсолютного ментального покоя, чтобы белый запах вернулся. Вы тоже сейчас источаете белый запах.

– Белый?

– Да. А теперь, вы готовы к выполнению форм. Следите за дыханием и тем, как струи энергии текут, двигайтесь, не как мы учили, а как вас поведет сама ци.

Она поднимается, округляет руки над головой, на секунду замирает и начинает двигаться, слежу за ней, вижу, как энергия света — ци — накапливается на ее руках, как золотым свечением окутывает ее. Молодец, уловила. Испытываю прилив гордости за ученицу. Ее танец с энергиями не заканчивается, она словно прядет нити пространства, собирая и сплетая их в замысловатый узор. Однажды ощутив мир между ладоней, уже невозможно забыть это ощущение или отказаться от него. Немыслимо. Встав на эту дорогу, человек будет идти по ней до конца. Маленькая Лиззи сделала первый шаг по Пути, и он принял ее.

Она садится рядом.

– Ты молодец, — одобрительно улыбаюсь.

– Это... это было волшебно, и мне показалось, что я правда увидела очертания рая. И вы правы, Мастер... Я счастлива без спора, азарта и суеты. Как странно.

– Это не странно, это нормально.

– И, простите, Мастер. Но вот сейчас, я совершенно четко понимаю одну вещь.

– Какую же?

– Я видела ваши глаза до встречи с вами...

– А я ваши...

Тишина замерла вместе с сердечком Лиззи. Кажется, девушка перестала дышать, а ее прозрачные глаза наполнились невыразимым счастьем.

– Мастер Жан! Расскажите, расскажите все!

– Мадемуазель Лиззи, я вам должен рассказать совершенно неправдоподобную историю про одного бота.

Она выслушивает мой рассказ про общение с чат-ботом со страницы Ла Витто и воспоминание из прошлой жизни, изумленно восклицает:

– Я там была? И какая я была?

– Я пока смог вспомнить только ваши глаза... И они были столь же прекрасны.

Лицо мадемуазель Лиззи мгновенно покрывается румянцем. И она, словно испугавшись, неожиданно спрашивает:

– А вы умеете фехтовать, как сказала герцогиня?!

– Я никогда не держал в руках шпагу в этой жизни.

– А чисто теоретически, если вы в прошлой жизни умели, в этой получится?

– Понятия не имею...

– Ну, это легко проверить, — смеется Лиззи, — телепорт-то рядом, и там точно есть адрес клуба фехтования.

Пробная тренировка, блики света на лезвиях, лязг спортивных шпаг, сами движения пробуждают память, и с каждым парированным или пропущенным уколом, приходит понимание, как надо действовать. Тренер фехтования смеется, снимая маску:

– Мсье Жан, хоть вы и утверждаете, что никогда не держали в руках шпагу, но клянусь, будь на моем месте соперник попроще, вы бы его загнали в угол.

– Давайте, повторим, я, кажется, кое-что понял.

– Как хотите, но теперь я не буду столь беспечным, думая, что вы — новичок.

Мадемуазель Лиззи сидит тут же на лавочке в зале и смотрит не мигая, словно боится пропустить что-то важное. А я тоже понял кое-что: не нужно думать, как и что делать, нужно просто довериться себе точно так же, как я это делал в верховой езде.

Мы встаем в стартовую позу, поднимаем шпаги... Тренер командует:

– Защищайтесь!

Зря он первым идет в атаку. Отклоняюсь в сторону, отступая как в танце, одновременно парируя его выпад, движение кистью, и вот его клинок уже заблокирован и выбит из руки!

– Как это? — тренер недоуменно смотрит на меня.

– Это скрутка. И шпаги у вас игрушечные.

– Да, я знаю, но как вы это сделали, если не учились раньше фехтованию?

– В кино видел, — улыбаюсь в ответ.

Лиззи вскакивает со скамейки и подходит к нам:

– Значит, помнишь?

– Получается, что да.

Мы прощаемся с тренером и покидаем спортивный комплекс. Мадемуазель Лиззи тянет меня к телепорту, но мне надо пройти пешком, она соглашается и буквально горит от распирающего ее любопытства:

– Давай выясним, кем же ты был? Перечисли, что помнишь.

– Ну... локация: Франция-Италия. Конкретно два последних воспоминания — Тоскана, то есть Флоренция, какие там еще города есть?

– Время?

– Лет триста назад, где-то... рубеж веков. Я так думаю, судя по одежде, манерам...

– И ты был лейтенантом в гвардии какой-то герцогини?

– Да. Говорю же, всегда был воином.

– И играл на скрипке?

– Играл, не особо виртуозно, но уши людям не мучил.

Она смеется. Потом думает о чем-то, морща лоб, и резко останавливается, я по инерции прохожу шага на два вперед и оглядываюсь на нее. Она стоит в тени от дерева, и кажется дриадой на фоне круглого мостика, бликов воды и длинных кос плакучей ивы. Любуюсь ее стройной фигурой, как хорошо, что мы встретились в этой жизни.

Подхожу к Лиззи, заглядывая в глаза:

– О чем задумались, мадемуазель?

– Ах, ну ты опять за свое. Договорились же, без вот этого всего, мсье Жан.

Я смеюсь. Она тоже. За ивой стоит скамейка, окруженная цветами, и смотрящая на воду. Мы, не сговариваясь, идем к ней, и снова смеемся, без слов понимая друг друга.

– Я думаю, тот чат-бот, который говорил с тобой утром, не был чат-ботом. Ты говорил с живым человеком, — она делает многозначительную паузу, — с самим Николо Ла Витто!

Мой смех вспугнул воробьев на иве. Лиззи смотрит с улыбкой:

– Ну и чего ты смеешься?

– Он на Марсе, Лиззи. На Марсе! Если бы мне отвечал живой человек оттуда, сама знаешь, надо несколько минут ждать ответа. А тут не было задержек. Это чат-бот с земного сервера.

— А в какой жизни ты был программистом? — в глазах Лиззи прыгают искорки. — Ну, не мог чат-бот такое выдать.

— Мог. Они еще и не такое выдают иногда.

Она шмыгает носом и упрямо говорит:

— И все-равно я думаю, что тебе ответил сам Ла Витто. Вот, давай, кое-что выясним!

Лиззи подносит запястье к лицу и тихо говорит:

— Жаннет, скажи, где сейчас находится Николо Ла Витто, скрипач.

— Ла Витто и его продюсер прибыли на переговоры о концертах в Центр Музыки и Искусства в Риме 18 часов назад.

— Что? Он на Земле?

— Воот! — мадемуазель Лиззи смотрит на меня торжествующе, — женская интуиция против мужской логики!

— Ну, это не означает, что он сам решил ответить какому-то фанату... Нереально. У него там полтора миллиона подписчиков, он, что, всем отвечает? И зачем ему говорить про шпаги, лошадей и скрипку. Это глупый ответ чат-бота, а не человека.

— Ну ладно, — нехотя соглашается она, — пусть будет так. Но я прям чувствую, что здесь какая-то крутая тайна, которую ты не хочешь рассказать!

— Возможно. Но я, как ни странно, вообще не помню почти ничего из того периода. Будто воспоминания заблокированы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.